

Шастина Татьяна Петровна

ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН: ТВОРЕНИЕ И КРУШЕНИЕ МИФА О КЕДРОГРАДЕ

В статье рассматривается комплекс произведений В. А. Чивилихина, посвященных проблемам рационального использования богатств кедровой тайги в Горном Алтае, смысловым ядром которого стало придуманное писателем слово "Кедроград". Главная мысль исследования - географическое пространство Горного Алтая под пером Чивилихина обрело статус русского природоохранного топоса, с которого начинается в стране реальное природоохранное движение. Кедроград интерпретируется как мифоним, место романтической мечты, не совпавшее со своим временем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. III. С. 199-204. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE PECULIARITY OF G. N. KAPRANOV'S INTIMATE LYRICS

Shapshova Snezhana Aleksandrovna

Bozhkova Galina Nikolaevna, Ph. D. in Philology

Kazan (Volga Region) Federal University (Branch) in Yelabuga

sashapshova@mail.ru; bozhkova.galina@mail.ru

In the article the authors make an attempt by analyzing the artistic details to find out the peculiarity and creative individuality of the little known Kazan poet G. Kapranov. The external artistic details which perform psychological and characterological functions are the most common in the intimate lyrics of Gennadii Nikolaevich Kapranov.

Key words and phrases: Kazan poet; lyrics; artistic detail; symbol; leitmotif; lyrical hero.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается комплекс произведений В. А. Чивилихина, посвященных проблемам рационального использования богатств кедровой тайги в Горном Алтае, смысловым ядром которого стало придуманное писателем слово «Кедроград». Главная мысль исследования – географическое пространство Горного Алтая под пером Чивилихина обрело статус русского природоохранного топоса, с которого начинается в стране реальное природоохранное движение. Кедроград интерпретируется как мифоним, место романтической мечты, не совпавшее со своим временем.

Ключевые слова и фразы: Чивилихин; Кедроград; кедр; охрана природы; экология; миф.

Шастина Татьяна Петровна, к. филол. н., доцент
Горно-Алтайский государственный университет
tshliteratura@mail.ru

ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН: ТВОРЕНИЕ И КРУШЕНИЕ МИФА О КЕДРОГРАДЕ

В современном литературоведении экологическая тематика рассматривается в диапазоне от просветительного природоохранного направления публицистики до философско-художественной системы мышления. В центре такой системы – *природная биологическая жизнь как высочайший смысл общего существования: и человечества, и природы* [21, с. 210]. Традиционно демаркационная линия между этими полюсами проводится по творчеству С. П. Залыгина, в натурфилософии которого вопрос «быть или не быть» не решается для человека и природы по отдельности [10]; о чем писали П. А. Гончаров и С. В. Филиппова [5]; П. П. Каминский [16] и др. Глубинные национальные истоки подобного слияния проанализированы в работах С. А. Кошарной, показавшей, что концептуальный комплекс «Человек-Природа» лежит в основе мифологической картины мира [19, с. 10].

Основоположителем экологического направления в литературе второй половины XX века, раскачавшим довольно устойчивое равновесие традиционной советской природоохранной тематики, первым из литераторов, предпринявшим практические действия по сохранению реликтовой кедровой тайги, был Владимир Алексеевич Чивилихин (1928-1984). На наш взгляд, потому-то и сделал С. П. Залыгин художественным пространством своего первого романа *Тропы Алтая* (1966 г.) Горный Алтай, что Чивилихин уже приковал к этому географическому пространству взгляды всей страны, вокруг него разворачивались нешуточные идеологические и экономические баталии по вопросам рационального природопользования. Благодаря Чивилихину это реальное пространство – наравне с Байкалом – перешло в статус русского природоохранного топоса (о топосе как значимом для художественного текста (или группы текстов) месте разворачивания смыслов (см. [23, с. 89]).

И по месту рождения (г. Мариинск Кемеровской области), и по типу мышления В. Чивилихин был истинно сибирским писателем, в том классическом понимании термина, которое было сформулировано областниками, т.е. патриотом, возвращающимся из столицы на периферию (мысль о доминантности идеи возвращения в областническом кодексе поведения, детерминирующей автобиографическую модель построения текста, сформулирована и развита К. В. Анисимовым [1, с. 172-223]). Знаменательно, что в XXI веке к имени В. А. Чивилихина все чаще стало прибавляться уточнение *сибирский писатель*, чему способствовала деятельность Благотворительного фонда памяти Владимира Чивилихина.

В дневниковой записи от 15 августа 1962 г., сделанной в Иркутске, писатель емко заметил, что Сибирь для него – место силы: *Я вбираю в себя Сибирь и сам сильнее, и богатею, и коренастею* [31, с. 199]. Непреодолимую тягу к возвращению в Сибирь он называл *сибиркой* – неизлечимой болезнью. Вначале я думал, что это обыкновенная ностальгия, тоска по родным местам, однако друзья придумали для моей болезни другое название – «сибирка». С сибиркой ничего не поделаешь. И вот я заказываю билет, укладываю рюкзак, перевожу часы вперед и весь уже охвачен Сибирью. Переношусь в её дали, вижу её дымные города и латунные закаты над горами, иду по тайге, полной чистых предснежных запахов, слышу маралий гон и шуршанье шуги, думаю о сибиряках, которых я знаю, гадаю о тех, кого встречу в этот раз... [35, с. 5-6].

Уточнение , перевозу часы впереді – не просто синхронизация часовых поясов, оно соответствует трактовке Сибири в гигантских строительных проектах той исторической эпохи с их девизом , Время, вперед!і (в том же 1965 г. выходит экранизация раннего романа В. Катаева , Время, вперед!) с одноименной сюитой Г. Свиридова, ставшей музыкальным символом последнего периода советской эпохи). В. Ф. Парфенов, побратим Чивилихина, утверждал, что природоохранные идеи писателя и его сподвижников по кедроградскому проекту минимум на три десятилетия обогнали свое время [20, с. 91].

Более всего в Сибири притягивал прозаика Горный Алтай. Отвечая на вопросы дружеской анкеты В. Солоухина, Владимир Чивилихин написал в 1967 г., что его любимое дерево – кедр, любимый цвет – зеленый, любимое место на земле – мыс Чичелган на Телецком озере, любимое произведение живописи – , Озеро горных духов» алтайского художника Г. И. Гуркина [31, с. 563-565]; заметим, что в этом признании Чивилихин как бы следует за Павлом Низовым, создавшим гимн естественному родству человека и природы именно на берегах Телецкого озера [39, с. 58-59]. В то время это ни составителя анкеты, ни многочисленных почитателей писателя – одного из первых лауреатов премии Ленинского комсомола (1966 г.) – не удивило, поскольку у всей страны на слуху было придуманное Чивилихиным слово , Кедрограді. В , Анкете Кедроградаі В. Парфенов так объясняет значение этого слова: , В будничной действительности – экспериментальное предприятие в кедровом лесу; для обывателя – новый город в сибирской тайге; для шефствующей молодежи – олицетворение “подъема таежной целины”; для инициаторов идеи и писателя В. А. Чивилихина – практическая реализация красивой Мечты о возможном проживании человека в единении с Природой, на принципиально иной основе организации жизниі [20, с. 15]. В контексте эпохи полисемантическая фиктивность топонима допускала и еще одно толкование – в столичной прессе 1959-1965 гг. Кедроград стал синонимом Горного Алтая, связав имя Чивилихина со все нарастающим в стране экологическим движением, выросшим из отчаянной борьбы писателя за спасение кедровников уникальной прителецкой тайги от промышленной вырубки.

Романтический подъем молодежного энтузиазма *кедроградцев*, который возник без всякого на то указания , сверхуі, не мог противостоять административному ресурсу, брошенному на подавление самой идеи хозяйского использования кедровых лесов, и Кедроград из экспериментального промышленного комплекса превратился в очередной советский миф эпохи оттепели, породивший своих культурных героев (рассмотрение коммунистической идеологии как классической мифологической системы предложено М. Элиаде [40, с. 181-183; 41, с. 125-132], о мифологизации как функции языка и её проявлении в современном обществе (см. [18])). Первым среди них, безусловно, стал сам Чивилихин, титаническими усилиями переведя стрелку времени в хронотопе русской провинции с , прошлогоі на , будущееі (с начала XX века , в масштабах России движение в направлении столица – глубинка фактически означало путешествие во времени (чем дальше, тем ближе к “седой старине”), отчего описание современного состояния какого-нибудь “медвежьего угла”... приобретало такую же ценность, как и публикация мемуаров семьи Раевскихі [9, с. 428]). Горный Алтай с момента его появления в русской литературе считался в прямом и переносном смыслах , медвежьим угломі, и медведи в алтайских текстах Чивилихина – непрерывный атрибут тайги: , В “Кедроградской энциклопедии” говорится... “Мясо – медведь без шкуры”» [34, с. 75].

Символично, что идея, получившая броское название , Кедроград», возникла в Ленинграде – создавать , град» в самом неподходящем месте могли только отчаянные реформаторы. Суть проекта, разработанного студентами Ленинградской лесотехнической академии, была такова: организовать в Горном Алтае , производственное таежное предприятие с постоянным штатом и круглогодичной работой. Оно должно быть комплексным, то есть брать от кедровой тайги все: орех, древесину, пушнину, живицу, дичь, мед, деготь, смолу, лекарства, ягоды, панты. И не только брать, но и охранять, восстанавливать и регулировать все эти богатства» [38, с. 15].

Писатель встретился с энтузиастами подобного метода хозяйствования в 1957 г. и загорелся идеей продвижения этого проекта. Совмин РСФСР 28 дек. 1959 г. отдал распоряжение о выделении для комплексного опытного кедрового хозяйства 71,4 тыс. гектаров тайги в центре Прителецкого лесного массива, где оставались еще в первозданном виде реликтовые массивы кедра, испокон веков охраняемые коренным населением (постепенно площади были значительно увеличены). В сентябре 1959 г. Чивилихин впервые на неделю прилетел в Горно-Алтайск – , Из Москвы он видится в такой несусветной дали, в такой таежной глухомани, что за ним будто бы уж и людей-то нет» [34, с. 33], добрался до поселка Уймень, откуда начиналась реализация проекта, с первого взгляда влюбился в Горный Алтай, и уже в феврале 1960 г. в «Комсомольской правдеі была опубликована документальная повесть , Шумы, тайга, шуміі, где и появилось слово , Кедроград» как символ мечты (Л. Иванова отметила, что в газетной публикации повесть вышла с эпиграфом из стихотворения Александра Грина , Мечта разыскивает путь...і [11, с. 475]); что вполне соответствовало духу времени – культ Грина стремительно развивался в эпоху оттепели [42, с. 53-81]) и рационального природопользования.

В посмертном издании повесть открывается совершенно другим эпиграфом: , Наш Алтай // Славен // Славен чудным одним. // Драгоценно оно, хорошо нам под ним // В ясный день и в ненастье... // Что ж за дерево это, что солнцу навстречу // Рвется, // Соки беря из живительных недр? // “Это – кедр! Это – кедр!” – // Я влюблено ответчу. – // “Это – кедр!”і [32, с. 8]. Неудивительно, что источник этого эпиграфа не указан, так как данный текст представляет собою частично измененный фрагмент одиозного стихотворения во славу Сталина , Есть в Москве человек», записанного в 1935 г. со слов Эштен Эттибесовой, колхозницы из Онгудайского аймака Ойротской автономной области (так до 1948 г. называлась Горно-Алтайская автономная область), впервые опубликованного в , Правдеі 9 сентября 1937 г., включенного в известнейший сборник сталинской поры , Творчество народов СССРі [28, с. 136]. Ныне текст второго эпиграфа воспринимается уже как чивилихинский, например, специалист в вопросах интродукции кедра Л. Ф. Ипатов, написавший вслед за В. Чивилихиным [36] свое , Слово о кедре», цитируя эпиграф без ссылки, провоцирует подобную атрибуцию [13, с. 6].

В 1962 г. писатель, признаваясь, что именно он придумал слово «Кедроград», свидетельствовал, что оно, понравилось, прижилось, и сейчас даже из-за границы идут письма по адресу: «USSA. Kedrograd» [34, с. 33]. Парадоксально, но писатель заложил в романтический образ Кедрогграда семантику заупокойной молитвы, взяв в качестве эпиграфа к путевым дневникам «Месяц в Кедрогграде» (в 1976 г. текст войдет в авторский сборник «По городам и весям», в 1977 г. удостоенный Госпремии РСФСР им. А. М. Горького) слова из раннего стихотворения, популярного и обласканного официальным вниманием (Ленинская премия 1961 г. за сборник «Лад»), Н. Н. Асеева «Реквием»: «Если день смерк, // если звук смолк, // Все же бегут вверх // соки сосновых смолк [Там же, с. 32]. Таким образом, бросаясь в бой с хозяйственной системой, Чивилихин самолично запрограммировал его печальный исход – и хозяйственный, и собственно творческий – о таком он сказал в выступлении на заседании научно-технического совета Главлеса СССР в октябре 1968 г.: «Около десяти лет назад я решил проделать своего рода эксперимент. Взял в нашем зеленом море один объект и решил уделить ему особое внимание <...> За эти годы я семь раз побывал там, следил за людьми, успехами и неудачами нового хозяйства. Ныне можно констатировать – дело окончательно провалено, предприятие задохнулось...» [33, с. 384]. Эту мысль, на более трагической ноте, он продолжает в статье «Десятилетие Кедрогграда»: «Трудно мне сейчас братья за перо, как-то не подымается рука обо всем писать снова; не хочется обновлять боль множества людей, испытавших в связи с этой историей душевную депрессию и крах дорогих принципов» [Там же, с. 391]; повторяет в «Уроках Леонова»: «Раз я пришел к нему (Л. Леонову – прим. автора – Т. Ш.) в очень тяжелом настроении – столько лет и столько сил было отдано спасению сибирских кедровых лесов, столько написано деловых и гневных строк в их защиту, но все без толку: кедр продолжали незаконно рубить, а «Кедроград», подшефное мое хозяйство, фактически уничтожили, и я просто не мог больше писать обо всем этом!» [37].

Следует дополнить, что статистика публикаций о Кедрогграде была весьма внушительна: по данным самого Чивилихина (1968 г.): «всего по истории Кедрогграда и связанным с ним проблемам сибирского кедра было в нашей печати 203 статьи. Только отдачи, результатов никаких нет. Этим самым как бы без слов говорится – пишите себе, пишите, а мы рубили и будем рубить золотую нашу сибирскую тайгу в размере 10 миллионов кубометров в год!» [33, с. 384]. Кедрогградец В. Ф. Парфенов в комментариях к неавторскому циклу Чивилихина «Мечта разыскивает путь», объединенному кедрогградской тематикой, уточняет: «...за двадцатипятилетний период было опубликовано четыре монографии общим объемом 60 печатных листов, более трехсот научных работ, защищено пятнадцать диссертаций, в том числе одна докторская. Право же, стоило драться за такой источник познания!» [32, с. 254].

Временной разрыв между выступлениями Чивилихина о Кедрогграде и «отдачей» (выходом в 1960 г. закона об Охране природы, который пафосно называли «Законом Разума и Сердца» [22, с. 5], созданием Министерства лесного хозяйства, общесоюзного Госкомитета лесного хозяйства, подготовкой закона о лесах, выходом правовых актов об охране кедра) оказался невелик, но идею Кедрогграда и кедровники Горного Алтая это не спасло – см. новейшие данные [7, с. 30-44]. Позднее писатель, участвуя в Конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972), в работе международного симпозиума «Природа, общество, писатель» (Кишинев, 1976), все же смог убедиться в том, что «героическая и горестная эпопея Кедрогграда не была напрасной – идея природоохранения сменилась идеей природопользования и устойчивого развития (терминологические разработки по вопросам природопользования произведены теоретиком общей экологии Н. Ф. Реймерсом [26], самая первая публикация которого тоже была связана с кедром [25]), из которой проросли идеи экологии человека и экологии социальной (о вхождении этих понятий в активный словарь свидетельствует справочник Н. Ф. Реймерса, где впервые была представлена развернутая схема экологии и выделены понятия «экология культуры», «экология духа» [24, с. 302-303]). О произошедшем переломе в отношении общества к природе свидетельствует, например, учреждение в Алтайском крае, в состав которого входил в те годы Горный Алтай, ежегодника «Родная природа» (сборник статей, очерков, рассказов и стихов о родной природе), который начал выходить с 1962 г.; рост числа научных исследований о лесах Горного Алтая, о кедре, среди которых большой интерес специалистов вызвала книга С. А. Хлатина «Хозяйство в кедровых лесах» [29], где анализировался опыт Кедрогграда.

В литературе же Горно-Алтайской автономной области того периода кедрогградская эпопея практически не отразилась, имени В. Чивилихина нет в обзорной статье об этом периоде в современной антологии «Образ Алтая в русской литературе» [27]. О Кедрогграде вспомнили на волне подъема этнической самоидентификации коренных этносов северного Алтая (тубаларов, кумандинцев, челканцев) в конце XX в., когда Горный Алтай приобрел статус субъекта федерации, став Республикой Алтай [12]; фактографию реализации проекта исследовал М. С. Каташев [17]. Пожалуй, самым ярким произведением-реквиемом алтайскому кедру стала повесть прозаика-алтайца С. Б. Каинчина (его псевдоним-тюркизм пишется по-разному: «Дибаш Каинчинт», «Диваш Каинчинт») «Дочь тайги черновой», популярная в авторском переводе с алтайского языка на русский [15, с. 157-172]. Последний факт вполне закономерен: именно Чивилихин открыл, как ранее – В. Распутина, «оригинальный, многообещающий талант» Каинчина на Пятом всесоюзном совещании молодых писателей в 1969 г. С тревогой Чивилихин говорил на пленуме правления Союза писателей РСФСР в 1976 г., что прозаик из Горного Алтая, «человек с очень зорким глазом, со своим живописным словом, большой знаток психологического склада алтайского народа», никак не может пробиться в центральное издательство [33, с. 336]. Этот разговор возымел действие – первый сборник прозаика-алтайца Каинчина вышел в столичном издательстве в 1977 г. [15].

Итак, было слово «Кедроград», подразумевавшее существование некоего «града», были кедроградцы – насельники Кедрогграда, был даже почтовый адрес «USSA. Kedrograd», – но не было конкретной точки на земле, с которой этот град был бы связан. Таким образом, Кедроград с момента своего возникновения стал мифонимом, в определенном смысле формировавшим два смысловых комплекса:

а) органичности идеи Кедрогграда, на что указывает дендроним в её названии – А. Ф. Белоусов отметил, что, “растительную” тему в выдуманных названиях провинциальных городов поддерживает <...> характерное для нашей культуры представление о “природности” провинции, которая противостоит столичной цивилизации [3, с. 459];

б) обреченности идеи рационального природопользования в данных исторических условиях – , концепт “дерево” последовательно связывается с миром мертвых [19, с. 39]; возможно, поэтому среди 1200 названий русских городов в прошлом и настоящем процент топонимов, образованных от названий деревьев, ничтожно мал (Березов, Березники, Березовский, Дубовка, Ельня, Липецк, Липки, Осинники, Кедровый) [6].

Термин , мифѝ был в активном словаре В. Чивилихина, в частности, писатель апеллировал к *мифам*, циркулировавшим вокруг русского леса, , отбиваясь на заседании научно-технического совета Главлесхоза СССР в октябре 1968 г. от обвинений в адрес писателей-защитников леса в чрезмерной критике лесозаготовителей, протестуя против призывов не придавать серьезного значения , тревожным сигналам, выходящим из-под писательского пера [33, с. 381]. Тогда Чивилихин развенчал мифы о необозримых лесных просторах страны, неисчерпаемой сырьевой древесной базе, , чрезвычайно вредный мифѝ о перестойных лесах (см. лесную статистику тех лет в классической работе по экологии и экопропаганде [2, с. 86]) – с помощью этих трех мифов , на глазах у всех, введенных в заблуждение громадными цифрами площадей и приростов, под звуки победных од “покорителям тайги” уничтожается основной капитал, ведется неостановимое лесоистребительство [33, с. 387]. Чивилихинский Кедрогград оказался мифическим градом в реальной тайге, где завязались в тугой узел экономические, социальные, моральные противоречия.

Город (град) в культуре символически рассматривается как центр религиозного и гражданского порядка, центр регулярной правильной жизни, , которого можно достичь лишь после долгого путешествия, если при этом налицо высокая стадия духовной зрелости [4, с. 61]. Путешествие из столиц в Горный Алтай было для Чивилихина и его кедрогградцев действительно долгим и полным признаний в любви к Алтаю, о чем свидетельствует первая часть путевого дневника . Месяц в Кедрогграде», конспективно названная . Дорога в Кедрогград. Сто тысяч рублей в моем рюкзаке. Дождь. Ночевка в тайге» [34, с. 32-41]. . Правильности же у Кедрогграда не оказалось – в условиях социалистического планового хозяйства, невероятным был факт существования Горно-Алтайского опытного леспромхоза (в обиходе – Кедрогграда) без... технического проекта. Вернее, проект был готов, но ему не дали возможности воплотиться. Существова вопреки (Чивилихин проанализировал это в статье . Десятилетие Кедрогграда» [33, с. 393-395]), экспериментальное хозяйство принесло в 1963 г. прибыль, а все без исключения леспромхозы Горно-Алтайской автономной области понесли убытки. Этого молодым защитникам кедровой тайги простить не могли, изуверскими способами (вплоть до тотального засыпания с самолетов дустом) заставили-таки рубить , кубатуристѝ кедр, превратили в рядовой леспромхоз. Горько сетуя, что тем самым были нарушены все законы государства, охраняющие кедр, Чивилихин назвал десятилетие Кедрогграда . славным и печальным юбилеем: . На Алтае полностью вырублена знаменитая Черневая падь, из которой когда-то вывозилось по пяти тысяч тонн ореха в год, тысячи шкурок соболей и белок, маралье мясо и панты. Сплошные голые пустыри уже зияют на месте незаконно отобранных у кедрогградцев в 1963 году урочищ Нырна и Еланда, занесен топор над последним крупным массивом Горного Алтая – Пыжинским [Там же, с. 398]. Эти факты были столь разоблачительны, что статью тогда не приняли в печать, она вышла только после того, как вопрос о соблюдении законодательства об охране природы был рассмотрен на сессии Верховного Совета СССР (июль 1985 г.), но писателя уже не было в живых.

Такая же участь постигла предисловие, написанное Чивилихиным в 1977 г. для первого издания книги В. Парфенова . Комплекс в кедровом лесу, где писатель констатировал: . Это первый положительный опыт в мировой практике природопользования, который на примере нашего лесного хозяйства наметил перспективные пути в сегодняшнем общечеловеческом поиске оптимальных взаимоотношений между человеком и природой [30, с. 100]. Тогда редактор издательства . Лесная промышленность сделала писателю ряд замечаний, рекомендовав , из-за цензурных соображений , как-то помягче подать материал [Там же]. Чивилихин же, не желая отказываться от своих убеждений, снял предисловие.

Убежденный в правильности идеи рационального природопользования, создатель мифа о Кедрогграде до последней минуты своей жизни верил в то, что , сибирский кедр вечно будет помогать человеку освежать чувства и оттачивать разум... [34, с. 96] – он и умер, , пытаясь приподнять и закрепить надломленную ураганом тяжелую крону трехметрового кедра, привитого на сосне [31, с. 540] – так , реквиемѝ по мифическому Кедрогграду через время достал и самого писателя. Публицистика и , алтайские повести В. Чивилихина . Над уровнем моря, . Шумы, тайга, шумѝ свидетельствуют, что эта вера базировалась на энциклопедических знаниях писателя о сибирской кедровой сосне; на опыте мифического Кедрогграда. Основываясь на чивилихинских упоминаниях об ученых и путешественниках, писавших о кедре, можно составить целую антологию, и открывать её, как нам представляется, должен первый в отечественной литературе гимн кедру В. В. Дмитриева, прозвучавший в первом русском столичном журнале о Сибири – в , Сибирском Вестнике Г. И. Спасского: . Какое величество в осанке сего дерева, какие священные тени в густоте лесов его, которые одевают холмистые берега величавой реки Оби, от самых вершин ея, составляющихся на собор редких красот природы в амфитеатре, голубеющимися Катунскими горами обнесенном... [8, с. 134]. Кедр, писал Дмитриев, . мог бы приносить великие и неистощаемые выгоды, если бы для сбережения сего Государственного на времена будущие сокровища, приняты были нужные и возможные меры [Там же, с. 136].

Почти полтора столетия отделяют кедрогградский цикл повестей и очерков Чивилихина от патетического гимна Дмитриева; кануло в лету государство, в столетний юбилей которого Чивилихин хотел бы любоваться прекрасными *кедросадами* по всем его городам и весям, но жива идея Кедрогграда – идея рационального

использования богатств кедровой тайги. Вера в то, что неповторимая красота кедрового леса должна пополнять , духовный рацион наших внуков [36, с. 280] стала все отчетливее проявляться в Республике Алтай, сделавшей в XXI в. ставку на рекреационное природопользование. Недаром столь часто повторял Владимир Чивилихин сибирскую поговорку , В ельнике трудиться, в березняке – веселиться, в кедровом – богу молиться».

Список литературы

1. Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: монография. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
2. Арманд Д. Л. Нам и внукам. Изд-е 2-е, доп. М.: Мысль, 1966. 254 с.
3. Белоусов А. Ф. Символика захолустья // Панорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 457-481.
4. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / пер. с нем. М.: Республика, 1996. 335 с.
5. Гончаров. П. А., Филиппова С. В. Проблемы изучения творчества С. П. Залыгина // Человек и природа в русской литературе (к 95-летию С. П. Залыгина): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Мичуринск: МГПИ, 2008. С. 39-46.
6. Города России: энциклопедия / гл. ред. Г. М. Лаппо. М.: Научн. изд-во , Большая Российская энциклопедия; ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 559 с.
7. Грибков А. В., Щур А. В., Кузменкин Д. В. Кедровые леса Алтая под угрозой: проблемы охраны и использования. Рекомендации по устойчивому лесопользованию. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2014. 64 с.
8. Дмитриев В. В. Сибирский кедр // Сибирский вестник. 1824. Ч. 4. С. 134-145.
9. Зайонц Л. О. Русский провинциальный , мифы // Панорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 427-456.
10. Залыгин С. П. Разумный союз с природой // Залыгин С. П. Позиция. М.: Советская Россия, 1988. С. 151-166.
11. Иванова Л. Романтика верности // Чивилихин В. Серебряные рельсы. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 474-479.
12. Ильтеев А. В., Кандаракова Е. П. Кедр – дерево жизни: записки алтайского охотника. Барнаул: б/и, 1998. Ч. 1. 95 с.
13. Ипатов Л. Ф. Кедр у дома и за околицей. Архангельск: б/и, 2006. 104 с.
14. Каинчин Д. Его земля: Повести и рассказы / пер. с алт. М.: Современник, 1977. 272 с.
15. Каинчин Д. Живу и веру: Повести. Рассказы. Сказы. Горно-Алтайск: б/и, 2008. 172 с.
16. Каминский П. П. Философия природы в публицистике Сергея Залыгина 1960-1990-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2013. № 4. С. 119-130.
17. Каташев М. С. Исторический опыт лесопромышленного освоения Горного Алтая в 1960-1980-е гг. и его экологические последствия: автореф. дисс. ... к.и.н. Абакан, 2007. 23 с.
18. Кияшко А. В. Мифологизация как функция языка и её проявление в современном обществе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4. С. 12-14.
19. Кошарная С. А. Лингвокультурная реконструкция мифологического комплекса , Человек – Природа в русской языковой картине мира: автореф. ... д. филол. н. Белгород, 2002. 46 с.
20. Парфенов В. Ф. Эксперимент в тайге. Кедровый лес и устойчивое развитие. М.: НИИ-Природа, 2000. 350 с.
21. Плеханова И. И. Философия жизни С. П. Залыгина // Философия жизни в русской литературе XX-XXI веков: от жизнестроения к витальности: коллективная монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 209-220.
22. Полов А. В. За ленинское отношение к природе // Любителям природы Алтая. Барнаул, 1962. С. 5-7.
23. Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного ун-та. 2005. № 11. С. 87-94.
24. Реймерс Н. Ф. Охрана природы и окружающей человека среды: словарь-справочник. М.: Просвещение, 1992. 320 с.
25. Реймерс Н. Ф. Под старыми кедровыми: рассказы и сказки. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1958. 41 с.
26. Реймерс Н. Ф. Природопользование: словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.
27. Скубач О. А. Два лика Алтая в литературе 1950-1960-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX-XX веков. Антология: в 5-ти т. / под общей ред. А. И. Куляпина. Барнаул: ООО , Издательский Дом , Барнаул, 2012. Т. 4. С. 5-24.
28. Творчество народов СССР. XX лет Великой Октябрьской социалистической революции в СССР. 1917-1937 / под ред. А. М. Горького и Л. З. Мехлиса. М.: Издание редакции , Правды, 1938. 592 с.
29. Хлатин С. А. Хозяйство в кедровых лесах. М.: Лесная промышленность, 1966. 212 с.
30. Чивилихин В. А. Вспоминая Кедровый лес // Парфенов В. Ф. Эксперимент в тайге. Кедровый лес и устойчивое развитие. М.: НИИ-Природа, 2000. С. 97-100.
31. Чивилихин В. А. Дневники, письма, воспоминания современников / сост. и предисл. Е. Чивилихиной. М.: Алгоритм, 2009. 606 с.
32. Чивилихин В. А. Жизнь главным / сост. Е. В. Чивилихина. М.: Молодая гвардия. 1986. 256 с.
33. Чивилихин В. А. Зеркало души / сост. Е. В. Чивилихина. М.: Советская Россия, 1987. 464 с.
34. Чивилихин В. А. Месяц в Кедровом лесу // Чивилихин В. А. По городам и весям: путешествия в природу. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 32-102.
35. Чивилихин В. А. Сибирка: повести и путевые дневники. М.: Советский писатель, 1965. 398 с.
36. Чивилихин В. А. Слово о кедре // Чивилихин В. А. По городам и весям: путешествия в природу. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 269-280.
37. Чивилихин В. А. Уроки Леонова [Электронный ресурс]. URL: http://www.mirleonova.org/leonov_live_v_chivilihin.html (дата обращения: 20.01.2015).
38. Чивилихин В. Шумы, тайга, шуми! М.: Правда, 1960. 79 с.
39. Шастина Т. П. Об , идеологической и , художественной стратегиях репрезентации Горного Алтая в русской литературе 1920-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 378. С. 53-65.
40. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с франц. В. Большакова; ст., коммент. Е. Строгановой. М.: Инвест-ППП, СТ , ПППЦ, 1995. 240 с.
41. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с франц., предисл. и коммент. Н. Г. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
42. Oryshchuk N. Official Representation of the Works by Alexander Grin in the USSR: Constructing and Consuming Ideological Myths [Электронный ресурс]. URL: http://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/10092/926/1/thesis_fulltext.pdf (дата обращения: 20.01.2015).

VLADIMIR CHIVILIKHIN: CREATION AND COLLAPSE OF A MYTH OF A CITY OF CEDAR

Shastina Tat'yana Petrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Gorno-Altai State University
tshliteratura@mail.ru

The article examines the works by V. A. Chivilikhin devoted to the problems of rational use of the resources of cedar taiga in Gorny Altai, semantic nucleus of which is the word "a City of Cedar" invented by the writer. The main idea of the research is as follows: geographic space of Gorny Altai under the skill of Chivilikhin's pen acquired a status of Russian nature conservation topos from which the actual nature conservation movement in the country starts. A City of Cedar is interpreted as a mythonym, a place of romantic dream not relevant for the time being.

Key words and phrases: Chivilikhin; City of Cedar; cedar; wildlife preservation; ecology; myth.

УДК 81-114.4

Филологические науки

В статье рассматриваются различные подходы к разработке концепции «языковой личности». На основе анализа результатов разработки психолингвистического подхода делается вывод об ограниченности данной концепции, которая может быть преодолена, если, опираясь на риторический подход к исследованию речевого взаимодействия, расширить концепцию «языковой личности». Вместо индивидуальной идентичности субъекта высказывания предметом анализа должен стать его речевой образ – дискурсивный этос, что позволит учесть взаимную обусловленность при формировании в процессе коммуникации индивидуальной и дискурсивной идентичности.

Ключевые слова и фразы: языковая личность; риторика; субъект высказывания; речевое взаимодействие; дискурсивный этос.

Шейпак Светлана Александровна, к. пед. н., доцент
Российский университет дружбы народов
svetlana.sheipak@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ДИСКУРСИВНЫЙ ЭТОС®

Языковая личность (ЯЛ), концепция которой в российской лингвистике была предложена Ю. Н. Карауловым как следствие смены парадигм в лингвистике, стала предметом исследований в рамках специально для этого созданной дисциплины – лингвоперсонологии [13]. В дальнейшем начали разрабатываться различные типы ЯЛ: сильная/слабая (Г. Г. Инфантова, О. А. Кадилина), стандартная/нестандартная (В. П. Нерознак), коллективная (А. А. Ворожбитова), типовая (О. Н. Шевченко), модельная личность, лингвокультурный типаж (В. И. Карасик) [10]. Ю. Н. Караулов предложил рассмотреть три возможных подхода к изучению ЯЛ: психолингвистический, предложенный Г. И. Богиним лингводидактический и разрабатываемый В. В. Виноградовым филологический [13, с. 28]. В. И. Карасик добавил к перечисленным социологический и культурологический [12, с. 176]. Однако, несмотря на разнообразие подходов, в отсутствие строгих дефиниций многочисленные исследования давали предложенным типам лишь описательное определение. Разнообразие выявленных типов ЯЛ не позволяло уточнить критерии анализа, которые можно было бы назвать релевантными для разработки общего подхода к исследованию структуры ЯЛ. Так, например, Г. Г. Инфантова, активно разрабатывающая концепт сильной ЯЛ, подчеркивает его недостаточное на современном этапе, научное осмысление, неразработанность его признаков и слабую соотнесенность с другими дискурсивными концептами [11, с. 64]. Но Ю. Н. Караулов считает такую ситуацию нормальной, поскольку данная концепция пока еще находится, в стадии парадигмального становления [14, с. 48].

Цель данной статьи – показать ограниченность **концепции ЯЛ (1)**, которая может быть преодолена, если в рамках междисциплинарного исследования речевого взаимодействия, опираясь на **риторический подход (2)**, расширить концепцию ЯЛ до **«дискурсивного этоса» (3)**.

1. Концепция языковой личности

Развивая психолингвистический подход к изучению ЯЛ, Ю. Н. Караулов предлагает рассматривать ее обобщенную и конкретную реализации. В первом случае она рассматривается как способ описания языковой способности индивида, соединяющий системное представление языка с функциональным анализом текстов. А во втором – как носитель языка, характеризуемый, на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка [19, с. 671].